

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 120–127.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 120–127.

Научная статья
УДК 17:159.9
DOI: 10.37482/2687-1505-V481

К проблеме этических оснований психологии

Лилия Ивановна Коростелева

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия,
e-mail: Lila31@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4812-9669>

Аннотация. Автор статьи обращается к важнейшей, с его точки зрения, проблеме этических оснований психологии и концентрирует внимание на трех базовых моделях: сократической, софистической и экзистенциальной. Сократическая модель исходит из представления о тесной связи между онтологией и этикой. В философском осмыслении (Сократ, Платон, Аристотель, Кант) цель данной модели (благо) задается как модуляция добродетельной жизни, а в основе модели лежит вопрошание о душе. Именно вопрошание о душе закладывает фундамент будущей науки – психологии. Ее коренное отличие от современной психологии заключается в этико-центрированном образе человека. Софистическая модель, укоренившаяся в культуре, выступает формой этического релятивизма, проявляется в размывании значимости этики истины (Гуссерль, Адорно, Тиллих, Бадью) и, соответственно, обесценивании этических норм, а значит, и самой идеи субъектности. Данная модель специфицирует потребности психологического конформизма – оборотной стороны личностного кризиса. Экзистенциальная модель представляет собой попытку реабилитации этики истины в теоретическом (через влияние философии) и прикладном значении. Речь идет о значимости перехода от философской теории к жизненной (экзистенциальной, субъективной) практике. Актуальность темы обусловлена акцентом на этическом измерении психологии в связи с возникающей потребностью в понимании значимости так называемого статуса истины, что, по мысли автора, имеет терапевтический эффект. Личный профессиональный опыт автора статьи подтверждает эффективность опоры на философию и этику в психологической практике. Наметившийся в последние несколько лет запрос на экзистенциально-ориентированную стратегию свидетельствует о необходимости научного обоснования данной темы.

Ключевые слова: этика, психология, сократическая модель, софистическая модель, этический релятивизм, экзистенциальная модель

Для цитирования: Коростелева, Л. И. К проблеме этических оснований психологии / Л. И. Коростелева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 120-127. – DOI 10.37482/2687-1505-V481.

Original article

On the Ethical Foundations of Psychology

Liliya I. Korosteleva

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia,

e-mail: Lila31@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4812-9669>

Abstract. The article addresses a most important, in the author's opinion, issue of the ethical foundations of psychology and is structured around three main models: Socratic, sophistic and existential. The Socratic model is based on the idea of a close connection between ontology and ethics. In the philosophical understanding (Socrates, Plato, Aristotle and Kant), the goal of this model (Good) is a modulation of a virtuous life, and at the model's core is the questioning about the soul. It is the questioning about the soul that lays the foundation of the future science of psychology. Its fundamental difference from contemporary psychology is in the ethics-centred image of man. The sophistic model, rooted in culture, is a form of ethical relativism, manifesting itself in the erosion of the significance of the ethics of truth (Husserl, Adorno, Tillich and Badiou), and, consequently, in the devaluation of ethical norms and, therefore, of the very idea of subjecthood. This model specifies the needs of psychological conformism, which is the reverse side of the personal crisis. The existential model is an attempt to rehabilitate the ethics of truth in the theoretical (through the influence of philosophy) and applied meanings. The article focuses on the importance of transitioning from philosophical theory to the practice (existential, subjective) of life. The relevance of this topic is driven by the emphasis on the ethical dimension of psychology, as there is a growing need to understand the significance of the so-called status of truth, which, according to the author, has a therapeutic effect. The author's personal professional experience confirms the effectiveness of relying on philosophy and ethics in psychological practice. The recent demand for an existentially oriented strategy highlights the need for a scientific foundation for this topic.

Keywords: *ethics, psychology, Socratic model, sophistic model, ethical relativism, existential model*

For citation: Korosteleva L.I. On the Ethical Foundations of Psychology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 120–127. DOI: 10.37482/2687-1505-V481

Проблема этических оснований психологии отсылает к ряду важных теоретических и прикладных измерений. Во-первых, к взаимоотношениям философии и психологии с точки зрения взаимовлияний и взаимодействий. Основным теоретическим и практическим сопряжением является влияние этики на возникшую в недрах философии психологию. В своих истоках психология была призвана (во всяком случае, по мысли ее основателя Аристотеля) воспитывать добродетельного гражданина полиса. Во-вторых, к транслируемым и задаваемым философией стратегиям, которые мы не можем не учитывать при формировании общего взгляда на заявленную тему. Сегод-

няшнее состояние психологии таково, что эти изначальные интенции утратили значимость и внятность.

Опыт ведения экзистенциальных групп на протяжении нескольких лет, который нам удалось описать в монографиях [1, 2], заставил задуматься о терапевтическом влиянии философии (в данном случае мы подразумеваем именно этическое ее измерение) на психологию. Об этом свидетельствует и ряд работ, в частности исследования Рана Лахава, автора подхода в психотерапии, названного им глубинной философией или философским консультированием [3], а также Эмми ван Дорцен [4] и тех, кто близок к экзистенциально-ориентированной психологии.

Р. Лахав отмечает, что долгосрочная цель философского партнерства заключается в преобразовании личности, которой требуется «выйти за рамки обычных психологических схем и структур к большим измерениям существования» [3, с. 7]. Безусловно, основательность в размышлении требует от человека того, чтобы он вышел за пределы своего «“маленького я” и открыл для себя более широкие горизонты человеческого существования... иного способа бытия с собой и другими» [3, с. 3].

Способ бытия с другими имплицитно подразумевает сферу этического взаимодействия. Философское партнерство Р. Лахав сравнивает с музыкальным концертом или даже молитвой, которая способна «повернуть» к глубине существования, внутреннему измерению. Философское консультирование нацелено на глубину понимания, а не на конечный результат в виде временного улучшения текущего состояния. Э. ван Дорцен считает, что качественная терапевтическая помощь невозможна без философского вопрошания: «Из философского обозрения условий человеческого существования мы можем извлечь один очень важный урок. Если мы захотим хоть как-то это человеческое существование понять, нам не следует ограничиваться изучением психологии» [4, с. 151]. Таким образом, последовательно опираясь на этику, мы можем выявить такую модель, которая способна помочь профессионалу с обнаружением смысловых опор для эффективного ведения своей деятельности. В истории философии подобный опыт уже был осуществлен, и далее мы последовательно опишем его в виде условных моделей.

Первая модель получила имя сократической. В ее основе – вопрошание о душе, и именно это вопрошание сформировало базу будущей науки – психологии. Ее ключевое отличие от той психологии, которая существует сегодня, заключается в этико-центрированном образе человека. В этом же коренное отличие от дофилософского периода человеческой истории.

До размышлений Сократа о душе основной моделью поведения для греков служила мифо-

логия. Характерной чертой античной мифологии являлась «заикленность» на теме судьбы и рока как безусловной необходимости. Человеческое существо оказывается второстепенным на фоне воли богов, участь человека – «быть чужаком в жилище богов» [5, с. 91–92]. В диалоге Платона «Протагор» показан мифологический образ возникновения у людей представления о добре и зле. Платон иронизирует над условностью понятий добра и зла (правды и стыда) в мифологическом прочтении. Зевс, например, вправе проявлять жестокость по отношению к тем, кто не может быть причастным стыду и правде, таких «следует убивать как язву общества» [6, с. 211]. По мнению Протагора, человеку выгодно провозглашать себя справедливым, чтобы сохранить репутацию, более того, такому искусству они, софисты, готовы обучить. Стыду и правде, уверяет Протагор, не только можно, но и нужно обучать с самого раннего детства, не гнушаясь никакими средствами: «И хорошо, если ребенок добровольно слушается; если же нет, то его, словно кривое, согнувшееся деревцо, выпрямляют угрозами и побоями» [6, с. 211]. Насилие выступает способом институализации внешних правил.

Античный рационализм в лице Сократа, Платона и Аристотеля опирается на иные способы обучения добру. Мы наблюдаем последовательное интеллектуальное движение к собиранию (соединению) в один узел логического и этического, сперва на уровне тематизации, а затем и в виде практических правил (беседа у Сократа, диалектический метод Платона, этика Аристотеля). На начале логического знания Сократ возводит систему истинного разумного поведения, а высшее благо и добродетель сводятся у него к познанию блага: «Благо, опознанное человеком, понятое им, является не только достаточным основанием благого поведения, но его необходимою причиной» [7, с. 26]. Человек оказывается для Сократа моральным существом, которое перепроверяет условия своего существования, соотнесенные с образом истины.

Отношение к статусу истины приводит к роковому для Сократа конфликту с софистами.

И мы подходим вплотную к описанию софистической модели, в которой меняются статус истины и отношение к ней. Своеобразная адаптация к подвижности взгляда (мнения) обесценивает сосредоточенность на одном, или Едином. В ситуации подвижности взгляда в отношении чего бы то ни было актуален упрек Сократа в адрес софистов в том, что они постоянно меняют свои мнения в зависимости от получаемых выгод (вспомним мифологическую теорию правды и стыда Платона). У М. Хайдеггера обнаруживаем ироничный пассаж об этой особенности софистической модели. Вы, говорит Сократ, обращаясь к софистам, всегда говорите о чем-то новом и о чем-то другом. Куда как труднее «говорить то же самое о том же самом» [8, с. 56]. Симптоматично и то, что противостояние сократической и софистической моделей, кульминацией которого стала казнь Сократа, не прекратилось и в последующие эпохи. Историческое развитие этого конфликта можно описать как необратимое движение от представления об этике истины к этике ценностей и как сходное с теми процессами, которые мы наблюдаем и в культуре, и в самой психологии.

Возникнув в пространстве философского знания, в частности в текстах Платона и Аристотеля, как вопрошание о душе, к эпохе Нового времени психология почти полностью утратила свою этическую направленность. Ключевыми особенностями этого периода стали сциентификация, разработка научного метода и установление предметности (объективации) в качестве собственной темы науки. В психологии возникла тенденция к раздроблению и автономизации различных подходов к одной и той же проблеме. На этой основе к XX столетию вырос весь корпус поведенческой и телесно-ориентированной аналитики.

Весьма значимым с точки зрения критicisma в отношении указанной тенденции является книга Теодора Адорно «*Minima moralia*. Размышления из поврежденной жизни», название которой отсылает к классической работе «*Magna moralia*» («Большая этика») Аристо-

теля. Немецкий философ показывает «темные» стороны софистической модели, вводя концепт человека-объекта. Тезис Протагора о человеке как мере всех вещей имплицитно стирает грань между человеком и вещью. Думающий так человек сам становится своего рода вещью, или, как принято говорить в философии, объектом. Отрицание объективной истины заключает в себе отрицание самого субъекта: «...никакая мера больше не служит мерой всех вещей, она отдается на откуп контингентности и становится неистинной» [9, с. 79]. Адорно обвиняет психологию в десубъективации субъекта, способствовании (методическом и эпистемологическом) превращения субъекта в объект. Психология словно рассекает, множит (вспомним теорию Платона о многоликости) человека на отдельные части. Философ верно обозначает феномен множественных психотехник, имманентных принципу де-субъективации, как «упадочную форму психологии» [9, с. 80].

Еще одной характерной чертой софистической модели, о которой в разное время писали такие авторы, как Э. Гуссерль, П. Тиллих и А. Бадью, является тенденция к этическому релятивизму. П. Тиллих замечает, что этика истины уже к началу кризиса классической онтологии была подменена этикой ценностей. Ценности перестали зависеть от онтологии, что в новом прочтении означало: «добро, красота, истина выше бытия» [10, с. 52]. Тиллих не видит в этике ценностей ничего ценного – лишь способ прагматического избегания проблемы обоснования этических норм. Еще раньше основатель феноменологии Гуссерль высказался о ценностном подходе как определяющем способе мышления современности: «Сквозь всю жизнь проходит направленность на ценность и... возникают из психических форм новые формы» [11, с. 194]. Эти новые формы, как мы видим, образуют пространство этического релятивизма, в котором ценностью может являться все что угодно. В качестве примера приведем отрывки из эссе студентов – будущих психологов, в которых они интерпретируют понятие категорического им-

ператива в связи с общей проблематикой этики истины и этического релятивизма (имена указаны с согласия авторов, стиль и авторская пунктуация сохранены):

Для меня, как для личности, сложно брать во внимание чужие желания, т. е. я не смотрю на других, я делаю именно так, как хочется мне, потому что это моя жизнь, она не зависит от кого-либо. Поэтому сложно говорить в наше время про общечеловеческие правила и желания других. Больше половины людей делают как я, т. е., не слушают чужого мнения (Алексей);

Человек должен поступать в жизни по правилам, которые имеют силу закона, как для него, так и для других; Человек должен относиться к людям так, как хочет, чтобы они относились к нему; Человек не должен рассматривать другого человека как средство для извлечения личной выгоды. Обо всем этом говорил Кант. Но возможно ли это? Знаете, я много раз видел, как люди падают в безнравственность ради достижения своих желаний, и те люди даже не осознавали, как тот или иной поступок повлияет на других – они об этом не думали. И сильно сомневаюсь, что, если все люди прочитают «Лекции по этике», то переосмыслят свои поступки и начнут вести себя как полагает человеку в обществе. Слишком много людей одиночников на нашей планете Земля. Так что реализация категорического императива невозможна – это утопия, хоть и очень прекрасная. Осознавая это, мне становится грустно, неужели люди никогда не смогут достичь настоящего мира. Я же, наверное, начну следовать этим правилам, чтобы надежда все-таки была (Михаил);

Надо ли совершенствовать свою волю, заставляя себя следовать каким-то правилам, или же надо просто следовать своим желаниям? Смысл жизни состоит в том, чтобы получить от жизни максимум удовольствий, чтобы свести к минимуму свои страдания... следование своим желаниям и ведет к достижению счастья (Дарья).

Если бы нужно было на конкретном примере показать, что мы понимаем под эти-

ческим релятивизмом, мы могли бы использовать представленные высказывания студентов. «Следовать своим желаниям», «делаю так, как хочется мне», «говорить безоценочно» – это софистическая модель. В ее эпицентре – психологический конформизм и де-субъективация.

Но наиболее проблематичной видится тенденция к общей нигилизации сознания, к отсутствию онтологических маячков-ориентиров, которые в разных философских системах и у разных авторов, начиная с Платона, обозначены как идея блага, добро, смысл, истина или даже «множественные истины», как у «неоплатоника» Бадью. Бесспорно, такого рода концепты воспринимаются как непередаваемые, о чем, кстати, пишет Бадью в своих диалогах о философии [12, с. 151]. Между тем миссия философии во взаимодействии с психологией видится именно в наведении мостов между философским убеждением в том, что истина есть, и практическим императивом, особым видением жизни, при котором человеку есть на что опереться, кроме как на примитивные материализм и физикализм. По словам Бадью, «то, что одаривает настоящей жизнью и ориентирует на существование, – это причастность к этим истинам» [12, с. 157]. «Только путем настоящего извращения, цена которого будет в масштабе истории просто ужасающей, удалось уверовать, что некая “этика” может опираться на культурный релятивизм. Ведь это притязание на то, что основой закона может быть случайное положение вещей» [13, с. 47].

Внутри этического релятивизма отсутствует пространство выбора и свободы, без которых человек не более чем жертва обстоятельств и ситуаций: «Человек – это тот, кто способен признать себя жертвой. Именно это определение и следует объявить неприемлемым» [13, с. 25]. Состояние жертвы – это состояние животного начала в человеке. В качестве жертвы, как и в качестве палача, человек ничтожен, неприемлем. Бадью отстаивает значимость этики ис-

тины: «Нет этики, кроме этики истин. Или точнее: нет этики, кроме этики процессов истины, тех трудов, которые приводят в этот мир ряд истин» [13, с. 50]. В этике истины сохраняется ключевой онтологический вопрос: как продолжать Быть? Как продолжать оставаться Человеком?

В психологической практике с подобным запросом работает экзистенциально-ориентированная психология. Данное направление всецело опирается на феноменолого-экзистенциальную философию, что хорошо исследовано, в частности в нашей статье [14]. Если бы нужно было указать основные идеи феноменолого-экзистенциальной стратегии в психологии, в качестве структурирующей все это влияние мы бы назвали поворот к теме сознания. Значимость категории сознания для философии бесспорна, но чем психология хуже? Под сознанием в разных психологических и особенно психотерапевтических исследованиях понимаются субъективность, личностность, экзистенциальность и т. д. Ни одно из названных понятий не удастся развернуть ни в методологическом, ни в терапевтическом значении без обращения к этике истины.

В настоящей статье мы не станем подробно описывать все имеющиеся стратегии в психологии, связанные с данной темой, это задача другого исследования, но в качестве примера рассмотрим некоторые идеи Джеймса Бьюдженталя – основателя экзистенциально-гуманистического направления в психологии. Для описания феномена субъективности он использует гераклитовскую метафору реки («река субъективного»), что делает этот образ весьма убедительным [15, с. 211]. Сфера субъективного у Бьюдженталя соотносится с интенциональным опытом (Гуссерль), говоря философским языком – тождественна сознательным актам субъекта. С этической точки зрения человеческая интенциональность (напор) стремится подчинить себе все остальные силы и энергии, как человеческие, так и нечеловеческие, и в данном стремлении мо-

жет быть небезопасной или агрессивной. Но в этом и ее творческий потенциал. Интенциональность, или человеческая субъективность, в позитивном развитии представляет собой творческую силу. Важно отметить, что Бьюдженталь, в духе приведенных выше высказываний Адорно, Тиллиха и Бадью, критикует тенденцию к кризису субъективности посредством объективации. Изначальный дом каждого человека, пишет он, оказывается под угрозой. Превращение людей в объекты Бьюдженталь сравнивает с чумой нашего времени. Опасность кризиса субъективности с психологической точки зрения заключается в том, что объекты не обладают силой.

Подводя итог, отметим, что в результате описания трех стратегий, или моделей (сократической, софистической и экзистенциальной), нам удалось обосновать значимость и актуальность опоры на этику в психологии, особенно в психологической практике. Обращение к трем различным стратегиям позволяет увидеть хрупкость отстаиваемого в этой статье феномена этики истины. Софистическая модель как форма этического релятивизма – скорее правило, чем исключение. Попытка найти выход из ситуации сопряжена для нас с обращенностью (теоретической и профессиональной) к экзистенциальной модели, которая являет собой попытку реабилитации этики истины в теоретическом (через влияние философии) и прикладном значении. Здесь мы говорим о важности перехода от философской теории к жизненной (экзистенциальной, субъективной) практике. Акцентуализация на этическом измерении психологии определена изначально философским вопрошанием об истине или «статусе истины». Данное вопрошание и, по сути, переориентация психологии на другие основания имеют, по нашему мнению, терапевтический эффект, что подтверждено практикой и личным профессиональным опытом автора в экзистенциально-ориентированном ключе и свидетельствует о необходимости научного обоснования данной темы.

Список литературы

1. Кабанова (Коростелева) Л.И. Траектории сознания: по итогам работы экзистенциальной группы. Петрозаводск: ПетрГУ, 2020. 104 с.
2. Коростелева Л.И. Зарисовки к работе экзистенциальной группы (Философия психологических практик). Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. 88 с.
3. Лахав Р. Руководство по философскому партнерству: принципы, процедуры, упражнения. Б. м., б. г. 62 с.
4. ван Дорцен Э. Повседневные тайны. Экзистенциальные измерения психотерапии. М.: ИОИ, 2019. 446 с.
5. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939) / пер. с нем. А.Б. Григорьева, под науч. ред. М. Маяцкого. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 528 с.
6. Платон. Протагор // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 1. С. 193–261.
7. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории. СПб.: Унив. кн.; Изд-во Олега Абышко, 2009. 605 с.
8. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары / пер. с нем. И. Глухой. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.
9. Адорно Т. *Minima moralia*. Размышления из поврежденной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 392 с.
10. Тиллих П. Любовь, сила и справедливость. Онтологический анализ и применение к этике. М.; СПб.: Центр гуманит. инициатив, 2018. 128 с.
11. Гуссерль Э. Введение к лекциям по феноменологической психологии // Логос. 2014. № 4. С. 187–214.
12. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2016. 192 с.
13. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2006. 126 с.
14. Кабанова (Коростелева) Л.И. Философские основания феноменолого-экзистенциального подхода в психологии: опыт междисциплинарных исследований. Петрозаводск: ПетрГУ, 2018. 107 с.
15. Бьюдженталь Дж. Психотерапия – это не то, что вы думаете. Психотерапевтическое взаимодействие в живом мгновении. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2024. 304 с.

References

1. Kabanova (Korosteleva) L.I. *Traektorii soznaniya: po itogam raboty ekzistentsial'noy gruppy* [Trajectories of Consciousness: Results of the Work of the Existential Group]. Petrozavodsk, 2020. 104 p.
2. Korosteleva L.I. *Zarisovki k rabote ekzistentsial'noy gruppy (Filosofiya psikhologicheskikh praktik)* [An Account of the Work of the Existential Group (Philosophy of Psychological Practices)]. Petrozavodsk, 2022. 88 p.
3. Lahav R. *Rukovodstvo po filosofskomu partnerstvu: printsipy, protsedury, uprazhneniya* [A Guide to Philosophical Partnership: Principles, Procedures, Exercises]. (n.d., s.l.). 62 p.
4. van Deurzen E. *Everyday Mysteries: A Handbook of Existential Psychotherapy*. London, 2010. 383 p. (Russ. ed.: van Dortsen E. *Povsednevnye tayny. Ekzistentsial'nye izmereniya psikhoterapii*. Moscow, 2019. 446 p.).
5. Heidegger M. *Überlegungen VII–XI: (Schwarze Hefte 1938–1939)*. Frankfurt am Main, 2014. 455 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Razmyshleniya VII–XI (Chernye tetradi 1938–1939)*. Moscow, 2018. 528 p.).
6. Plato. Protagor [Protagoras]. Plato. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. St. Petersburg, 2006. Vol. 1, pp. 193–261.
7. Trubetskoy S.N. *Uchenie o Logose v ego istorii* [The Doctrine of Logos in Its History]. St. Petersburg, 2009. 605 p.
8. Heidegger M. *Zollikoner Seminare: Protokolle – Zwiegespräche – Briefe*. Frankfurt am Main, 2006. 381 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Tsollikonovskie seminary*. Vilnius, 2012. 406 p.).
9. Adorno T.W. *Minima moralia: Reflexionen aus dem beschädigten Leben*. Frankfurt am Main, 1951. 338 p. (Russ. ed.: Adorno T. *Minima moralia. Razmyshleniya iz povrezhdennoy zhizni*. Moscow, 2022. 392 p.).
10. Tillich P. *Love, Power, and Justice: Ontological Analysis and Ethical Applications*. London, 1954. 127 p. (Russ. ed.: Tiliikh P. *Lyubov', sila i spravedlivost'*. Ontologicheskii analiz i primenenie k etike. Moscow, 2018. 128 p.).
11. Husserl E. Vvedenie k lektsiyam po fenomenologicheskoy psikhologii [An Introduction to the Lectures on Phenomenological Psychology]. *Logos*, 2014, no. 4, pp. 187–214.

12. Badiou A. *La philosophie et l'événement: Entretiens: Suivis d'une courte introduction à la philosophie d'Alain Badiou*. Meaux, 2010. 181 p. (Russ. ed.: Bad'yu A. *Filosofiya i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiyyu Alena Bad'yu*. Moscow, 2016. 192 p.).
13. Badiou A. *L'éthique: Essai sur la conscience du mal*. Caen, 2003. 130 p. (Russ. ed.: Bad'yu A. *Etika: Ocherk o soznanii Zla*. St. Petersburg, 2006. 126 p.).
14. Kabanova (Korosteleva) L.I. *Filosofskie osnovaniya fenomenologo-ekzistentsial'nogo podkhoda v psikhologii: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Philosophical Foundations of the Phenomenological-Existential Approach to Psychology: Experience of Interdisciplinary Research]. Petrozavodsk, 2018. 107 p.
15. Bugental J.F.T. *Psychotherapy Isn't What You Think: Bringing the Psychotherapeutic Engagement into the Living Moment*. Phoenix, 1999. 278 p. (Russ. ed.: B'yudzhental' Dzh. *Psikhoterapiya – eto ne to, chto vy dumaete. Psikhoterapevticheskoe vzaimodeystvie v zhivom mgnovenii*. Moscow, 2024. 304 p.).

Информация об авторе

Л.И. Коростелева – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Петрозаводского государственного университета (адрес: 185000, г. Петрозаводск, ул. Ленина, д. 33).

Information about the author

Liliya I. Korosteleva, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof. at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Petrozavodsk State University (address: ul. Lenina 33, Petrozavodsk, 185000, Russia).

Поступила в редакцию 10.04.2025
Одобрена после рецензирования 25.09.2025
Принята к публикации 30.09.2025

Submitted 10 April 2025
Approved after reviewing 25 September 2025
Accepted for publication 30 September 2025